

ЗАЩИТА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ЧАСТНОМ ПОРЯДКЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ¹

В статье рассматриваются особенности производства по уголовным делам частного обвинения с точки зрения существующего в уголовно-процессуальном законе механизма защиты процессуальных интересов потерпевшего. Авторы анализируют правовую природу частного порядка уголовного преследования, на основании чего делают вывод о ее смешанном, частно-публичном характере, что в свою очередь определяет и смешанный характер процессуальных интересов потерпевшего. Если право на возбуждение частного уголовного преследования является безусловно диспозитивным, то обязанность потерпевшего осуществлять доказывание по уголовному делу имеет публичные начала. В целом частный обвинитель ограничен в своих возможностях по собиранию доказательств по уголовным делам частного обвинения. На этом основании авторами предлагается закрепить в ч. 3 ст. 43 УПК РФ дополнительное право частного обвинителя на истребование в целях использования в качестве доказательств по уголовному делу справок, характеристик или иных документов.

Ключевые слова: процессуальные интересы, частное уголовное преследование, частное обвинение, потерпевший, частный обвинитель.

¹ Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (№ задания 29.1247.2014/К).

PROTECTION OF PROCEDURAL INTERESTS OF THE VICTIM IN PRIVATE CRIMINAL PROSECUTION

The article discusses the features of proceedings in criminal cases of private prosecution from the point of view of existing in the criminal procedure law of the mechanism of protection of procedural interests of the victim. The authors analyze the legal nature of private criminal prosecution on the basis of which the conclusion is mixed, private-public character, which in turn determines the mixed nature of the proceedings, the interests of the victim. If the right to bring a private criminal prosecution is dispositive of course, the duty of the victim to carry out the proof in a criminal case is public start. In General, the private Prosecutor is limited in its capabilities for collecting evidence on criminal cases of private prosecution. On this basis, the authors propose to consolidate into part 3 of article 43 of the code of criminal procedure additional right of a private Prosecutor to request to use as evidence in a criminal case references, characteristics, or other documents.

Keywords: procedural interests, private prosecution, private prosecution, the victim, private prosecutor.

Частный порядок уголовного преследования является одним из наиболее стабильных порядков производства по уголовному делу. Законодатель в минимальной степени вмешивается в механизм производства по уголовным делам частного обвинения, корректируя изредка только составы преступлений, подпадающих под данный порядок. Так, Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ² в ч. 2 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) были внесены

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовнопроцессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

изменения, которыми к частному порядку уголовного преследования был отнесен новый состав преступления, предусмотренный ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию». В свою очередь состав преступления, предусмотренный ст. 116 УК РФ «Побои», перенесен законодателем в категорию частно-публичного уголовного преследования.

Данные изменения свидетельствуют о том, что законодатель повидимому переоценивает подходы к роли частных начал в осуществлении уголовного преследования. Как справедливо в этой связи отмечают Е.В. Смахтин и И.Г. Смирнова, давая оценку особенностям развития современного уголовно-процессуального законодательства, в качестве одной из тенденций такого развития можно выделить «отсутствие оптимального сочетания защиты частных и публичных интересов» [1, с. 361]. Наиболее важным проявлением сочетания частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве является классификация уголовного преследования на виды.

В соответствии с ч. 1 ст. 20 УПК РФ уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в публичном, частнопубличном и частном порядке в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления. Очевидно, что указанные законодателем критерии — характер и тяжесть совершенного преступления — являются формальными и в полной мере не отражают основание классификации уголовного преследования на виды. Важным критерием такой классификации, как представляется, можно считать процессуальный интерес потерпевшего на осуществление уголовного преследования лица, совершившего преступление.

Можно согласиться с утверждением Л.В. Головки о том, что «по делам частного обвинения сам по себе конфликт для законодателя безразличен» [2, с. 449]. Это связано с тем, что преступления, указанные в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, хотя и обладают

общественной опасностью, ее характер и степень, а также специфика объекта преступного посягательства (личные неимущественные интересы), не требуют, по мнению законодателя, привлечение государственных сил и средств для раскрытия и расследования данной категории преступлений. Более того, как правило, указанные преступления носят очевидный характер, что не влечет каких-либо затруднений в установлении события преступления и сведений о лице, его совершившем. Вместе с тем, безразличное отношение законодателя к содержанию конфликта по делам частного обвинения не означает безразличного отношения к нему лиц, которым преступлением причинен физический или моральный вред, поэтому для обеспечения законной возможности восстановления нарушенных личных неимущественных прав этих лиц законодатель предусматривает частный порядок уголовного преследования, осуществление которого возможно исключительно по их воле [3, с. 185]. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (в ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»³ подчеркивается, что потерпевший, являясь физическим лицом, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, либо юридическим лицом в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации, имеет в уголовном процессе свои собственные интересы, для защиты которых он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения наделен правами стороны.

Процессуальные интересы потерпевшего необходимо рассматривать не только как основной критерий классификации уголовного преследования, а как одну из правовых ценностей, защита которых является составной частью назначения уголовного судопроизводства. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 9.

законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

В российской правовой доктрине имеются различные подходы к определению сущности частного порядка уголовного преследования. Не вдаваясь в их анализ, отметим, что традиционно, частное обвинение трактуется, как уголовный иск, предъявляемый потерпевшим к лицу, совершившему в отношении него преступление [4, с. 5], который содержит требования о восстановлении нарушенных преступлением прав и обвинения и осуждения этого лица [5, с. 5]. Предъявление данного иска влечет за собой начало производства по делу и начало уголовного преследования в объеме и в пределах, определенных в жалобе потерпевшего, то есть стороны обвинения.

Правовую природу частного преследования определяет диспозитивное начало. Как отмечают некоторые процессуалисты, частное начало вытесняет публичное из его традиционной (уголовнопроцессуальной) сферы действия [6, с. 75]. Диспозитивность частного уголовного преследования означает наибольшее влияние позиции сторон на окончательное решение по делу и предполагает свободу распоряжения материальными (содержательная сторона) и процессуальными (функциональная сторона) правами лицом, отстаивающим собственный интерес и представляющий сторону обвинения в уголовном процессе.

Диспозитивные начала по уголовным делам частного обвинения выражаются в возможности потерпевшего прекратить уголовное преследование в отношении обвиняемого в форме непосредственного отказа от обвинения. Безусловное право частного обвинителя на отказ от обвинения носит диспозитивный характер, так как предоставляет ему относительную свободу распоряжаться предметом уголовного процесса [7, с. 22].

Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве определяется как совокупность правовых норм, характеризующихся признанием частного обвинителя самостоятельным субъектом уголовного преследования, а в случае, если потерпевший не может самостоятельно защищать свои права, эти функции осуществляются

органами предварительного расследования, представителем потерпевшего, а также особыми основаниями прекращения уголовного дела [8, с. 149].

Допуская возможность осуществления уголовного преследования в частном порядке самим потерпевшим, законодатель тем не менее не предусмотрел процессуальный механизм защиты интересов потерпевшего, равнозначный публичному порядку уголовного преследования. Потерпевший может лишь выдвигать и поддерживать обвинение у мирового судьи, но не вправе самостоятельно собирать доказательства и осуществлять их проверку процессуальными средствами [9, с. 164], т. е. с использованием публично-правовых средств принуждения, каковыми, например, являются следственные действия.

Процессуальные интересы потерпевшего в ходе частного порядка уголовного преследования предполагают необходимость учитывать его позицию по наиболее значимым для производства по уголовному делу вопросам, например, по вопросу квалификации деяния, по факту которого возбуждено уголовное дело. Это обусловлено тем, что в зависимости от квалификации преступления может изменяться порядок уголовного преследования по уголовному делу. Так, при квалификации умышленного причинения легкого вреда здоровью как совершенного по мотивам национальной или религиозной ненависти или вражды уголовное преследование по данному преступлению должно осуществляться в публичном порядке, так как квалифицироваться оно должно по ч. 2 ст. 115 УК РФ, что в свою очередь может противоречить процессуальному интересу потерпевшего.

В научной литературе по этому поводу высказана точка зрения, согласно которой по уголовным делам частного обвинения суд вообще не должен осуществлять квалификацию преступления, поскольку это «является не свойственной для него функцией и противоречит принципу разделения процессуальных полномочий» [10]. По мнению авторов, квалификацию преступления при частном порядке уголовного преследования должен осуществлять либо сам

потерпевший, либо его представитель, обладающий необходимыми юридическими знаниями [10].

Полагаем, что данный подход не совсем корректен. Суд, осуществляя квалификацию деяния, описанного в заявлении потерпевшего о возбуждении уголовного дела частного обвинения, не осуществляет функцию обвинения, а лишь дает правовую оценку противоправности данного деяния, не нарушая этим, как представляется, принципа состязательности сторон. В то время как конкретизация фактических обстоятельств совершения такого деяния, в том числе, конкретизация обстоятельств, являющихся квалифицирующими признаками состава преступления, является прерогативой потерпевшего. Таким образом, суд как субъект публичного права уполномочен оценить противоправное деяние в качестве преступления, а субъекту частного начала принадлежит решение о привлечении к уголовной ответственности лица, совершившего данное деяние. На основании этого можно сделать вывод о том, что заявление пострадавшего по делу частного обвинения имеет комплексную правовую природу, вследствие того, что оно является одновременно и поводом к возбуждению уголовного дела, и самостоятельным процессуальным актом о возбуждении уголовного дела, формулирующий обвинение.

Как таковое уголовное преследование не является самостоятельной деятельностью следователя, дознавателя, прокурора или потерпевшего, но оно является юридическим средством выявления преступлений, обоснования перед судом виновности обвиняемого лица и привлечения его к уголовной ответственности. Категория «обвинение», в отличие от обвинительной функции, употребляется в качестве утверждения о совершении тем ли иным лицом преступления, выдвигаемым в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом (п. 22 ст. 5 УПК РФ), что является выводом частного или государственного обвинения, суть уголовно-правовой претензии к соответствующему лицу. Данный вывод выражается в форме обвинения, предъявленного по делам публичного и частного-публичного обвинения следователем или дознавателем,

утвержденного прокурором и поддерживаемого в суде государственным обвинителем, либо в виде заявления потерпевшего мировому судье, который непосредственно поддерживает обвинение в судебном процессе. Поэтому в материальном значении категория «частное обвинение» представляет собой утверждение пострадавшего о совершении в отношении него преступления перед судом, за которое уголовное преследование осуществляется по усмотрению пострадавшего лица [11, с. 31].

В процессуальном аспекте категория «частное обвинение», кроме вида уголовно-процессуальной деятельности — обвинения, может рассматриваться и как форма уголовного судопроизводства (преследования), что само по себе характеризует его публичное начало.

В ч. 5 ст. 318 УПК РФ законодателем определены требования, предъявляемые к заявлению по делу частного обвинения, которое, прежде всего, должно содержать наименование судебного органа, куда подается заявление; также описание события преступления, его места, времени и способа совершения и иных обстоятельств, которые подлежат доказыванию, исходя из положений ст. 73 УПК РФ; непосредственно, просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству; и данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности; список свидетелей, для вызова в суд; подпись лица, подавшего заявление. Указанные требования являются исчерпывающими и носят обязательный характер, в чем проявляется публичность обвинения.

Отметим, что в законе отсутствует легальное разъяснение указанного в п. 4 ч. 5 ст. 318 УПК РФ понятия «данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности», которые должны быть обязательно отражены в заявлении потерпевшего. Под ними мировые судьи традиционно понимают ФИО, дату и год рождения, место жительства и т.п.

Особенностью уголовного судопроизводства по делам частного обвинения является то обстоятельство, что бремя доказывания возложено исключительно на частного обвинителя.

При этом в УПК РФ по уголовным делам частного обвинения круг субъектов, обладающих правом собирания доказательств, не ограничен. Несмотря на то что в законе прямо не указано право сторон собирать доказательства, все участники уголовного судопроизводства данной категории дел (частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, обвиняемый и защитник) являются полноценными субъектами доказывания, обладающими всеми полномочиями по собиранию доказательств, а также пояснению и обоснованию своего мнения по поводу обстоятельств, подлежащих доказыванию [12, с. 273–274].

В уголовно-процессуальном законе не установлены и требования к процедуре собирания доказательств по делам частного обвинения. Соответственно, сведения, собранные сторонами, должны признаваться доказательствами в том же порядке, что и результаты доказательственной деятельности субъектов доказывания по делам публичного обвинения. То есть доказательствами по уголовным делам частного обвинения может выступать любая информация, полученная сторонами в свободной от процессуальных предписаний форме, но обладающая при этом свойствами относимости и достоверности, что оценивается судом в ходе судебного следствия.

По ходатайству сторон мировой судья вправе оказать им содействие в собирании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно (ч. 2 ст. 319 УПК РФ). Основным процессуальным средством такого содействия является запрос суда. Поэтому, если частный обвинитель сталкивается с затруднениями в получении доказательств, например, в виде документов, которыми располагают какие-либо органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и организация, то частный обвинитель может обратиться к мировому судье с ходатайством о направлении им судебного запроса для предоставления требуемых документов. Такое обращение к суду за содействием может быть осуществлено

частным обвинителем исключительно в рамках судебного заседания, проведение которого только для этих целей представляется процессуально и организационно нецелесообразным, а также может привести к затягиванию производства по уголовному делу. Более того, процессуальный статус частного обвинителя, в отличие от общепроцессуального статуса потерпевшего, нужно рассматривать как статус профессионального участника уголовного судопроизводства, включающий отдельные полномочия, предусмотренные для государственного обвинителя (ч. 2 ст. 43 УПК РФ). Однако в рамках данного статуса для частного обвинителя не закреплены даже такие способы собирания доказательств, которыми наделен защитник (в ч. 3 ст. 86 УПК РФ), участие которого по общему правилу обязательно даже по делам частного обвинения. Такой подход законодателя является явно диссонирующим в идее абсолютной состязательности, которая предопределяет частный порядок уголовного преследования.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующий вывод. Несмотря на доминирование диспозитивных начал в частном порядке уголовного преследования, процессуальные интересы потерпевшего имеют смешанный, частно-публичный, характер, что обусловлено смешанной правовой природой самой категории уголовных дел частного обвинения. Надеясь потерпевшего безусловным диспозитивным правом распоряжаться судьбой уголовного преследования по делам частного обвинения, законодатель не обеспечил полноценного публичного механизма защиты его процессуальных интересов, прежде всего, в рамках процесса доказывания по данной категории дел. Как итог, полагаем, что одним из элементов такого механизма могло бы стать право частного обвинителя на истребование в целях использования в качестве доказательств по уголовному делу справок, характеристик или иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны

предоставлять запрашиваемые документы или их копии. Данное право предлагаем закрепить в ч. 3 ст. 43 УПК РФ.

Список использованной литературы

1. Смахтин Е.В. Обеспечение защиты прав потерпевшего уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами при реализации назначения уголовного судопроизводства / Е.В. Смахтин, И.Г. Смирнова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 2. — С. 359–369. 2. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головкин. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. — 544 с.

3. Мазюк Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. — 252 с.

4. Тензина Е.Ф. Производство по делам частного обвинения как форма диспозитивности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.Ф. Тензина. — Ижевск : Удмурт. гос. ун-т, 2004. — 22 с. 5. Аникина Е.И. Производство по делам частного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.И. Аникина. — Саранск, 2000. — 20 с.

6. Горюнов В.Ю. Новая процессуальная политика уголовного преследования по делам частного-публичного обвинения / В.Ю. Горюнов // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 1 (27). — С. 73–79.

7. Степанова В.Г. Отказ частного обвинителя от обвинения как основание прекращения уголовного судопроизводства по делам частного обвинения / В.Г. Степанова // Вестник Восточно-Сибирского инта МВД России. — 2012. — № 4 (63). — С. 22–29.

8. Баталова Т.Л. Институт частного обвинения в уголовном процессе как элемент системы частного права / Т.Л. Баталова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 9–2. — С. 148–152.

9. Стовова А.Г. Уголовный процесс. Курс лекций : в 2 ч. /

А.Г. Стовпова. — 2 изд., испр. и доп. — СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. — Ч. 1. — 258 с.

10. Корнакова С.В. Пределы судебного разбирательства по делам частного обвинения [Электронный ресурс] / С.В. Корнакова, Е.В. Чигрина // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2014. — № 6. — Режим доступа: <http://brjbguep.ru/reader/article.aspx?id=19820>.

11. Дорошков В.В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения / В.В. Дорошков. — М. : Норма, 2001. — 272 с.

12. Лазарева В.А. Теоретические проблемы доказывания в свете специфики производства по делам частного обвинения / В.А. Лазарева, М.Ю. Жирова // Актуальные проблемы экономики и права. — 2012. — № 4 (24). — С. 267–275.

Информация об авторах

Мазюк Роман Васильевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: marova@mail.ru.

Чайков Евгений Федорович — магистрант, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: DVVOJeka@Yandex.ru.